

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СЛАВЯНСКОМУ
ИСТОРИЧЕСКОМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ

*Памяти
профессора Г.А.Хабургаева*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1993

Морфологические, лексические и синтаксические факторы в склонении древнерусских членных прилагательных

Как известно, одним из процессов, определивших современное состояние склонения членных прилагательных в славянских языках, было аналогическое выравнивание их форм по образцу форм неличных местоимений. Данный процесс, затронув целый ряд грамматических позиций, следующим образом преобразовал сложившуюся к тому времени и уже далекую от исходного общеславянского состояния систему форм:

	Старые формы	Новые формы	Формы местоимений
Р. ед. м.-ср.	нов -- аго	нов -- ого	т -- ого
	син -- аго	син -- его	мо -- его
Д. ед. м.-ср.	нов -- юмү	нов -- омү	т -- омү
	син -- юмү	син -- емү	мо -- емү
М. ед. м.-ср.	нов -- ѣмь	нов -- омь	т -- омь
	син -- имь	син -- емь	мо -- емь
Р. ед. ж.	нов -- ѣѣ	нов -- оѣ	т -- оѣ
	син -- ѣѣ	син -- еѣ	мо -- еѣ
Д.-М. ед. ж.	нов -- ѣи	нов -- ои	т -- ои
	син -- ии	син -- еи	мо -- еи
Р.-М. дв.	нов -- юю	нов -- ою	т -- ою
	син -- юю	син -- ею	мо -- ею

Происхождение новых местоименных флексий объяснялось по-разному. Высказывались, в частности, предположения об их фонетическом происхождении, а также ряд альтернативных морфологических объяснений. Результатом полемики [ее обзор см.: Толкачев 1959, с. 72-75] явилось, однако, общее признание того обстоятельства, что новые флексии возникли морфологическим путем и что в качестве образца послужило именно склонение неличных местоимений.

Если морфологическая природа новых флексий членных прилагательных в настоящее время ни у кого не вызывает сомнений, то вопрос о хронологии рассматриваемого процесса продолжает оставаться дискуссионным. Степень архаичности раннедревнерусской морфологической системы в плане соотношения старых и новых флексий оценивалась по-разному разными исследователями. При этом, как правило, отмечалось, что темпы протекания

рассматриваемого процесса были неодинаковы в разных падежных формах, однако в выводах о соотношении конкретных флексий имели место весьма существенные расхождения.

Относительно нескольких позиций имеется, впрочем, определенное согласие. Это касается в первую очередь формы Д.ед.м.-ср. Большинство исследователей согласны в том, что именно с данной формы началось преобразование адъективной парадигмы. Широкая представленность новой флексии **-ому** в русских рукописях XI–XII вв. наряду с присутствием в памятниках известных гиперкорректных образований на **-оому**, **-уоому** [см.: Толкачев 1959, с. 77–79] позволяет предполагать, что в живой древнерусской речи эпохи создания древнейших письменных памятников новая флексия в данной позиции уже окончательно вытеснила старую. То же можно сказать, по-видимому, и относительно значительно менее частотной формы Р. дв., где новая флексия **-ою** также представлена целым рядом примеров начиная с XI в. [см.: Соболевский 1907, с. 157].

Относительно единодушной была оценка формы Р.ед.ж. Отмечалось, что в данной грамматической позиции старые формы на **-ьѣ** были, несомненно, свойственны живому древнерусскому языку древнейшей письменной эпохи, о чем свидетельствует как длительное сохранение данной флексии в традиции деловой письменности, так и присутствие ее – единственного из архаизмов членного склонения – в отдельных современных говорах [см. примеры: Шахматов 1957, с. 198; Кузнецов 1959, с. 152]. С другой стороны, наличие уже в древнейших восточнославянских памятниках примеров новой флексии **-ѣ** позволяет предполагать для раннедревнерусской эпохи сосуществование в живой речи старого и нового окончаний.

Наиболее проблематичной оказалась реконструкция раннедревнерусского состояния для формы Р.ед.м.-ср., М.ед.м.-ср. и Д.-М.ед.ж. Так, если А.И. Соболевский полагал, что “формы на **-аго** в живом древнерусском языке в историческое время или существовали в незначительном числе или – что более вероятно – совсем не существовали” [Соболевский 1907, с. 155], то А.И. Толкачев, исходя из примерно той же совокупности фактов, предполагает для раннеписьменной эпохи прямо противоположное соотношение флексий [Толкачев 1959, с. 80]. Столь значительный разброс мнений оказался возможным как вследствие неоднозначности показаний древнейших книжных текстов, так и особенно в силу крайне скудной представленности соответствующего материала в древнейших памятниках некнижного характера.

Значительное продвижение вперед в данном вопросе оказалось возможным в самое последние время благодаря расширению корпуса новгородских берестяных грамот XI–XII вв. Как и во многих других случаях, открывшаяся картина членного склонения в

раннедревненовгородском оказалась весьма архаичной, демонстрируя во всех позициях, за исключением Д.ед.м.-ср.¹, старые членные флексии. По данным А.А. Зализняка, “лишь с рубежа XII и XIII вв. в берестяных грамотах обнаруживаются первые признаки влияния местоименного склонения на адъективное. Так, окончание *-ои(-еи)* в М.ед.ж. адъективного склонения впервые отмечено на рубеже XII и XIII вв., *-ого* в Р.ед.м. – в конце XIII в., *-ои* в Р.ед.ж. – в начале XIV в.” [Зализняк 1988, с. 174].

В длительном сохранении старых членных форм следует, очевидно, вслед за А.А. Зализняком, видеть специфическую особенность древненовгородского диалекта, противопоставляющую его диалектам южной Руси. О том, что за пределами новгородской земли преобразование членного склонения по местоименному образцу осуществилось раньше, чем в Новгороде, свидетельствует как наличие ряда ранних (XI–XII вв.) примеров форм на *-ого*, *-оѣ* и *-ои* в памятниках неновгородского происхождения (см. ниже), так и полное отсутствие старых флексий в обширном тексте Смоленской грамоты (список А) 1229 г. Было бы неверно, однако, экстраполировать картину, наблюдаемую в Смоленской грамоте, на более раннее состояние “стандартного древнерусского”, предполагая, что новые флексии полностью вытеснили в нем старые уже в древнейшую письменную эпоху. Против такой экстраполяции свидетельствует в первую очередь сопоставление с Д.ед.м.-ср., где, как уже было сказано, в книжных памятниках новые флексии встречаются несравненно более часто, чем в других падежах, что кажется невозможным объяснить, исходя из предположения о полной завершенности процесса во всех формах членного склонения. Кажется поэтому целесообразным предполагать для “стандартного древнерусского” XI–XII вв. сосуществование новых и старых флексий в Р. и М.ед.м.-ср. и Р. и Д.-М.ед.ж. при полной завершенности процесса в Д.ед.м.-ср. и Р.дв.²

Как ясно из предложенного выше обзора, процесс аналогического преобразования членного склонения прилагательных по модели склонения неличных местоимений имел свою собственную относительную хронологию. Он осуществлялся, затрагивая постепенно как отдельные славянские диалекты, так и отдельные

¹ Вопрос о древненовгородской флексии Д.ед.м.-ср. остается открытым, поскольку данная позиция пока представлена в грамотах лишь тремя примерами: *дѣцьскамоу* (N222), *дѣтьскамоу* (Ст.Р.N8), где выступает особая флексия, возможно – гиперкоррективная [см.: Зализняк 1986, с. 142], и *первоу* (N724), в письме, написанном с соблюдением норм “стандартного древнерусского”.

² О том что старые флексии были известны и за пределами новгородской земли, свидетельствует и уникальный пока пример В.ед.м.-ср. *лоуцьшаго новгороджанина* в грамоте N246, отражающей, по-видимому, древний смоленско-полоцкий диалект [см.: Зализняк 1986, с. 171].

клетки парадигмы. Если первое из этих обстоятельств было выявлено лишь в самое последнее время, то о втором этого сказать никак нельзя: неодновременность распространения новых местоименных флексий в формах разных падежей была очевидной уже для А.И. Соболевского и Н.Н. Дурново. Тем более удивительно, что она до сих пор не получила удовлетворительного объяснения. Вернее, попытки такого объяснения просто не предпринимались. Даже А.И. Толкачев, посвятивший данной проблеме специальную работу и впервые аргументированно продемонстрировавший опережающие темпы эволюции Д.ед.м.-ср. по сравнению с Р. и М.ед.м.-ср. [Толкачев 1959, с. 79–80], обходит молчанием вопрос о причинах данного морфологического феномена. Между тем выяснение этих причин несомненно способствовало бы лучшему пониманию природы самого рассматриваемого процесса.

В образовании новых местоименных форм членных прилагательных обычно справедливо усматривается проявление общей тенденции к сближению и объединению двух словоизменительных классов – полных прилагательных и неличных местоимений, ставшее возможным после того, как исходное состояние членного склонения было преобразовано действием ряда фонетических процессов. “В результате утраты интервокального *-j-*, ассимиляции и стяжения гласных (в случаях *-aje* → *-ae* → *-a-* и др.) утратившие морфологическую членимость двусложные флексии членных форм (ср. *-ajego* → *-ago*) сближаются с соответствующими флексиями указательных местоимений, что ведет к появлению новых местоименных форм прилагательных, объединяющих их со склонением неличных местоимений” [Хабургаев 1990, с. 180]. Возникает, однако, вопрос: почему выравнивание членных форм по образцу склонения неличных местоимений затронуло далеко не все позиции, в которых флексии двух словоизменительных классов не совпадали? Определяя круг форм, в которых выравнивание флексий имело место, А.И. Толкачев отмечает, что “оно коснулось прежде всего форм род.-дат.-мест. падежей единственного числа всех родов, где были и общие основы на согласный, и разносложные окончания, и одинаковые вторые части (*-go*, *-ти*, *-ть*, *-je*, *-ji*) в этих окончаниях /.../ В твор. падеже ед. числа муж.-ср. рода появления формы *dobrěť* под влиянием *těť* не произошло, видимо, потому, что старая форма *dobryť* поддерживалась формами множественного числа, где был опорный гласный в окончаниях *y(ы)*: *dobrychъ*, *dobrytъ*, *dobrymĭ*” [Толкачев 1959, с. 85]. Данное объяснение, однако, не кажется убедительным, так как рассматривает как очевидную данность то обстоятельство, что в формах множественного числа, где, заметим, также “были и общие основы на согласный, и разносложные окончания, и одинаковые вторые части в этих окончаниях”, выравнивания флексий не произошло. Между тем наличие среди новых местоименных форм формы Р. дв. на *-ю*, заменившей старую форму на *-үю*, явно указывает

на то, что процесс не был принципиально ограничен парадигмой единственного числа и что, следовательно, само сохранение в формах множественного числа опорного **-ы-** также нуждается в объяснении, как и сохранение того же **-ы-** в Т.ед.м.-ср.

Причины, обусловившие выравнивание по местоименному образцу лишь части форм членного склонения, следует, как кажется, искать в двуморфной структуре флексий членных прилагательных и косвенных падежей неличных местоимений, выделяющих в своем составе два компонента – вокалический соединительный морф и собственно окончание [см.: Зализняк 1985, с. 116, где, однако, флексии местоимений рассматриваются как одноморфные]. Расхождения между флексиями косвенных падежей членных прилагательных (в том виде, какой они приобрели по завершении фонетических процессов, преобразовавших их исходный облик) и неличных местоимений касались качества соединительного морфа. Формы местоимений отчетливо распадались на две группы: с соединительным **-о-** (**т-о-го**, **т-о-му**, **т-о-мь**, **т-о-ѣ**, **т-о-и**, **т-о-ю**) и с соединительным **-ѣ-** (**т-ѣ-мь**, **т-ѣ-хъ**, **т-ѣ-мъ**, **т-ѣ-ми**) (для мягкого варианта соответственно **-е-** и **-и-**). Последним соответствовали в склонении членных прилагательных формы с уже унифицированным соединительным **-ы-** (**-и-**). Представляется крайне характерным, что, несмотря на наличие именно в этой группе форм частичного (в мягком варианте) совпадения окончаний прилагательных и местоимений (**синихъ-нашихъ**, **синимъ-нашимъ** и т.д.), выравнивания флексий твердого варианта членного склонения по образцу местоимений здесь не произошло. Причина, думается, заключалась в том, что местоименный соединительный морф **-ѣ-** не имел никаких системных преимуществ по сравнению с уже унифицированным соединительным **-ы-** членного склонения. Более того, после падения редуцированных и фонологического объединения /ы/ и /и/ именно модель, представленная в склонении членных прилагательных, оказалась более перспективной, так как снимала различие между твердым и мягким вариантами, что и проявилось в обратном рассматриваемом процессе выравнивания склонения указательных местоимений по образцу членного склонения (**т-ѣ-мъ** → **т-ы-мъ** как **новымъ**).

Иначе обстояло дело в другой группе форм, где в местоименном склонении выступал соединительный морф **-о-**. В склонении членных прилагательных ему соответствовал не один вокалический морф, но целый набор морфов, тождественных именным флексиям **о-** и **а-** основ. (**добр-а-го муж-а**, **добр-у-му муж-у** и т.д.). Этот пучок соединительных морфов был рудиментом того языкового состояния, когда членные формы еще представляли собой свободные сочетания именных форм с местоимением-членом. В новых условиях, когда, вследствие слияния именной формы с членом, членные формы превратились в морфологически неразложимые образования и единственными носителями грамматической

нагрузки оказались собственно окончания, этот рудимент был обречен на отмирание. Идеальным средством устранить его и было заимствование унифицированного соединительного *-o-* из местоименного склонения. Можно полагать, таким образом, что главная причина преобразования членных форм по образцу склонения местоимений заключалась не столько в тенденции к объединению близких словоизменительных классов, сколько во внутренней противоречивости самих членных форм, их формальной избыточности, не отвечавшей морфологическим реалиям новой эпохи.

Сделанная поправка к традиционному объяснению происхождения новых местоименных флексий членных прилагательных позволяет объяснить различия во времени и темпах их распространения в разных падежных формах. Напомним, что в объяснении нуждается в первую очередь раннее появление новых флексий в Д.ед.м.-ср. Отмечая этот факт, исследователи, как правило, упускали из виду, что столь же рано новые флексии проникают и в Р.дв. Между тем данное обстоятельство представляется решающим для понимания опережающих темпов эволюции Д.ед.м.-ср. Обе формы объединяет важная структурная особенность: в обоих случаях соединительный вокалический морф представлен тем же гласным, который выступает во второй части флексии – собственно окончании. Если верно, что причиной преобразования членной парадигмы по образцу склонения местоимений была формальная избыточность старых членных форм, то следует признать, что в данном случае простое дублирование в соединительном морфе гласного, выступающего в окончании, особенно остро обнажало эту избыточность, делая Д.ед.м.-ср. и Р.дв. наиболее слабыми звеньями старой членной парадигмы, с которых и началось ее преобразование.

В старой парадигме было, однако, еще одно звено, характеризовавшееся такой же усиленной избыточностью, хотя и представленной в не столь явном виде, – Р.ед.ж. Прямое дублирование в соединительном морфе гласного второй части флексии здесь имело место лишь в мягком варианте: *син-ѣ-ѣ*. Однако в силу наличия устойчивой морфологической корреспонденции *-ы/-ѣ* это дублирование могло ощущаться и в формах твердого варианта на *-ыѣ*³. Таким образом, по структуре своего окончания Р.ед.ж. занимал промежуточное положение между Д.ед.м.-ср. и Р.дв., где дублирование гласного выступало со всей откровенностью, и Р.ед.м.-ср., М.ед.м.-ср. и Д.-М.ед.ж., где его не было.

³ В древненовгородском, в силу совпадения Р. и Д.-М. твердого *a*-склонения, дублирование имело место и в твердом варианте, однако в силу того же совпадения форм единая флексия *-ѣѣ* здесь рано уступила место *-ѣи*, и дублирование таким образом было устранено. Следует заметить также, что этимологически дублирование гласного во флексии членной формы имело и в мягком варианте Д.-М.ед.ж. (*sini-ji*). Однако, как и вестно, именно в этой позиции конечное *-ji* рано совпало с *-jъ*, вследствие чего дублирование и здесь было устранено.

В связи с этим кажется исключительно показательным то обстоятельство, что новые флексии Р.ед.ж., встречаясь в древнейших памятниках несравненно реже, чем в лидирующих с большим отрывом Д.ед.м.-ср. и Р.дв., в то же время существенно превосходят в своем количестве новые флексии трех других названных падежных форм (см. ниже списки примеров). Данное соотношение может быть интерпретировано как косвенное указание на следующую последовательность распространения в адъективном склонении новых местоименных флексий: 1. Д.ед.м.-ср. и Р.дв. 2. Р.ед.ж. 3. Р.ед.м.-ср., М.ед.м.-ср., Д.-М.ед.ж.

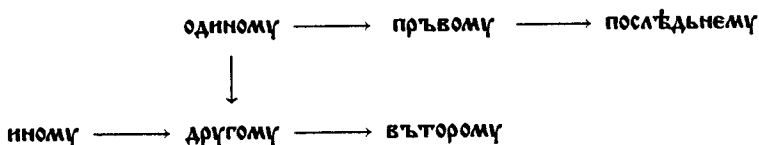
Старая флексия Р.ед.ж. характеризовалась, однако, еще одной важной особенностью: ее соединительный вокалический морф **-ы-**, будучи генетически тождествен субстантивной флексии **а**-склонения, одновременно совпадал с унифицированным вокалическим морфом, выступающим в косвенных падежах множественного числа и Т.ед.м.-ср., не испытывавших влияния местоименного склонения. Возможность трактовки старой формы Р.ед.ж. на **-ыѣ** как входящей в ряд других форм с соединительным **-ы-** (**ДОБР-ы-ѣ**, **ДОБР-ы-мь**, **ДОБР-ы-хъ**, **ДОБР-ы-мъ**, **ДОБР-ы-ми**) могла факультативно отменять необходимость обращения к местоименной флексии. Это, скорее всего, и послужило причиной длительного сохранения по говорам старой флексии в данной грамматической позиции⁴.

До сих пор, говоря об относительной хронологии образования новых местоименных форм членных прилагательных, мы имели в виду лишь постепенность распространения новых флексий в парадигме членного склонения. Существует, однако, и другой аспект проблемы, пока не привлекавший к себе должного внимания. Естественно предполагать, что столь же постепенным, как распространение влияния местоименного склонения в отдельных падежных формах, было вовлечение в данный процесс различных групп прилагательных, а возможно, и вытеснение старых флексий новыми в различных синтаксических позициях. Лексические и синтаксические факторы, роль которых в морфологической эволюции существительных и местоимений изучена уже достаточно обстоятельно, до сих пор полностью игнорировались при рассмотрении истории словоизменения членных прилагательных. Между тем частные наблюдения, сделанные в данной области, явно свидетельствуют о перспективности такого подхода.

Среди лексических факторов, благоприятствовавших распространению новых местоименных флексий, следует назвать в первую очередь непосредственную семантическую соотнесенность

⁴ По предположению П.С. Кузнецова, старая флексия Р.ед.ж. могла сохраняться, имея поддержку в виде соответствующих форм существительных на **-иа** (**новыѣ** как **змиѣ**) [Кузнецов 1959, с. 152]. Едва ли, однако, поддержка со стороны частной разновидности **а**-склонения могла сыграть сколько-нибудь существенную роль. Объяснение, апеллирующее к структуре самой членной парадигмы, кажется более предпочтительным.

отдельных лексем-прилагательных с местоимениями. Наиболее ярким примером этого является склонение прилагательного **тѹждь** (**штѹждь**, **стѹждь**, **чюжь**), которое, как известно, уже в старейших древнеболгарских памятниках наряду с исконными для него флексиями членных прилагательных принимает и местоименные окончания. Приводя соответствующие примеры, А. Вайан замечает: “Здесь, очевидно, сказывается влияние притяжательного местоимения **свои**, которому противопоставляется **тѹждь: отъ своихъ... ли отъ тоуждихъ** Мф. XVII, 25” [Вайан 1952, с. 183]. Столь же неслучайно, безусловно, и раннее появление новой флексии Д.ед.м.-ср. у прилагательного **дрѹгын** (в отличие от **тѹждь** влияние местоименного склонения затрагивает здесь в старославянских памятниках лишь одну падежную форму). Форма **дрѹгомѹ** дважды встречается в Зографском Евангелии и 4 раза в Саввиной книге, где другие примеры флексии **-омѹ** отсутствуют. “Употребление этой формы вместо **дрѹгоѹ(оѹ)мѹ**, — пишет А. Вайан, — вызвано, вероятно, аналогией с **иномѹ**” [там же]. Следует заметить, что и два других примера Д.ед.м.-ср. на **-омѹ** в Зографском Евангелии — **прѣвомѹ** Мф. XXI, 28 и **послѣднемоѹ** Мф. XX, 14 — явно неслучайны. Употребление с местоименной флексией прилагательного **прѣвыи** может объясняться как его прямой соотносённостью с **одинѹ**, изменявшимся по местоименному склонению, так и вхождением в ряд порядковых числительных, в котором в качестве варианта к **вѣторын** может выступать **дрѹгын**, в данном случае уже оказывающееся источником дальнейшего аналогического распространения местоименных флексий⁵. Что же касается примера **послѣднемоѹ**, то его есть все основания связывать с противопоставлением “первый — последний”. Таким образом, вся система семантических связей, обусловивших возможность раннего распространения местоименных флексий в данном кругу лексем, может быть представлена в виде следующей схемы:

Как видно, древнейшие примеры Д.ед.м.-ср. на **-омѹ** в старославянских памятниках оказываются явно неслучайными. Новую флексию принимают в первую очередь прилагательные, так или иначе предрасположенные к влиянию местоименного склонения. Это заставляет внимательно отнестись к древнейшим примерам

⁵ Ср. в этой связи два варианта счета: “один, другой, третий...” и “первый, второй, третий...”. Ср. также ниже другие примеры, демонстрирующие неслучайность употребления с новыми флексиями порядковых числительных.

новых местоименных форм, отмечаемым в древнерусских памятниках, и в первую очередь – в рукописных книгах XI–XII вв., поскольку лишь в этой категории источников членные формы представлены в количестве, достаточном для выводов о случайности или закономерности употребления новых флексий. Формы Д.ед.м.-ср. и Р.дв. в этом отношении не показательны, поскольку, как мы видели, экспансия новых флексий отражается в этих формах весьма широко уже в памятниках XI в., причем новые флексии встречаются без каких-либо ограничений. Не касаясь пока также форм Р.ед.ж., занимающих, как уже было сказано, промежуточное положение, обратимся к формам третьей группы, в которых новые флексии представлены в древнейших книжных кодексах лишь единичными примерами. Ниже приводятся все известные нам из рукописей XI–XII вв. примеры новых флексий Р.ед.м.-ср. -ого, Д.-М.ед.ж. -ои и М.ед.м.-ср. -омь.

Р.ед.м.-ср. В древнерусских рукописях XI в. достоверных примеров новой флексии -ого не засвидетельствовано⁶. Древнейший из до сих пор приводившихся примеров – из Выголексинского сборника XII в.: (РГБ, М. 1832): (1) кго же съволкъ и нагого поставивъ кде ре(ч) пыгаше предънага раны (л. 129).

Список примеров XII в. может быть, однако, расширен. Древнейший датированный древнерусский пример данной флексии находим в Галичском Евангелии 1144 г. (ГИМ, Син. 404): (2) чьсти оца и мѣръ и възлюбивши искрънего свокого тако самъ см (л. 42).

Еще один пример обнаружен М.Г. Гальченко в Типографском Евангелии XII в. (ЦГАДА, ф. 381, № 6): (3) гн къгда тѣ видѣхомъ алчьна и жадьна или щоужего или нагого (л. 149об.). Ту же словоформу нагого (4) встречаем в том же евангельском стихе (Мт. XV.24) и в Музейном Евангелии XII–XIII вв. (РГБ, Рум. 104, л. 114), исследованном И. Тотом [Тот 1965, с. 158]⁷. Там же отмечено еще (5) града наричаемого видѣсандѣ (л. 65).

Наконец, интересующее нас окончание выступает в одном из заголовков Успенского сборника XII–XIII вв. (ГИМ, Усп.4): (6) стого ноана заа(т)оустаго слово на възношеник гнк (л. 260г).

Д.-М.ед.ж. Древнейший пример новой флексии -ои, впервые приведенный А.И. Соболевским, – из рукописи 13 слов Григория Богослова XI в. (ГПБ, Q.п.1.16): (7) акы къ живои бо къ тебѣ глю (л. 335).

⁶ Приводимый часто пример златооустаго из Изборника 1073 г. является, как обнаружил А.И. Толкачев, фиктивным: в рукописи данная словоформа отсутствует.

⁷ Заметим, что форма нагого в Мт. XV.44 присутствует и в ряде списков Евангелия XIII в.: Бучацком (ЛМУИ, F688/38912), Холмском (РГБ, Рум. 106), Симоновском (РГБ, Рум. 105).

Еще два примера находим на одном и том же листе Синайского патерика XI в. (ГИМ, Син.551): (8) тако мнѣ нагон соудилъ кси стати прѣдъ хъсмь; (9) такo живон соущи мнѣ чюжь чакъ не видѣ лица мокго (л. 54).

Вариант -ei в мягкой разновидности дважды выступает в Ефремовской Кормчей XII в. (ГИМ, Син. 227): (10) не подоваеть кще приходашен въ слоуженик жити съ лицьмь всако шеличеник нмоущо (л. 289); (11) поклоньше сѧ дньници рекъше оутрынки звѣздѣ (л. 273)⁸.

М.ед.м.-ср. Примеров новой флексии -омь из рукописей ранее первой половины XIII в. до сих пор в литературе не приводилось. Нам известны два таких примера: из Лествицы XII в. (РГБ, Рум.198): (12) о первѣмь во принять пагоубоу о второмь же вѣньць принять (л. 85а) и из Троицкого сборника рубежа XII-XIII вв. (РГБ, Троицк. 12): (13) а мы како сътърпимъ въ лютомь томь соудѣ (л. 20).

Для двух из приведенных выше примеров в качестве фактора, способствующего принятию местоименной флексии, можно было бы указать на опосредованную соотношенность с местоимениями. В примере (3) нагого выступает в паре с цоужего, где, как уже говорилось, местоименная флексия появляется под влиянием склонения местоимения свои. В примере (12) новая флексия выступает в порядковом числительном вторын, синонимически связанном с прилагательным другын, обладающим в значительной мере местоименной семантикой, о чем см. выше. Однако главные закономерности первоначального распространения местоименных флексий, появляющиеся в приведенном списке примеров, лежат, как представляется, в области синтаксиса.

Обращает на себя внимание в первую очередь то обстоятельство, что из тринадцати примеров пять (1, 3, 4, 8, 9) приходится на полупредикативное употребление прилагательного во "втором винительном" (1, 3, 4), "втором дательном" (8) и в составе "дательного самостоятельного" (9), что явно не может быть случайным. В этом окончательно убеждает единственный пример флексии -ого в старославянских памятниках – хрестоматийное живого из Саввиной книги, которое также находим во "втором винительном": азвы возложше оставльше и кле живого сщца (л. 56).

В четырех случаях (2, 7, 10, 12) имеет место субстантивированное употребление прилагательного (в примере (10) – полного причастия). С учетом явного тяготения к новым флексиям прилагательных в полупредикативном употреблении это обстоятельство также представляется далеко не случайным. Дело в том,

⁸ Приводимый С.П. Обнорским вместе с этими примерами пример вывъшен отроковици [Обнорский 1912, с. 77] следует отклонить ввиду явной испорченности соответствующего фрагмента, где данная словоформа, не имеющая соответствия в греческом оригинале, синтаксически неуместна.

что между двумя группами примеров имеется определенная связь, уже отмечавшаяся в литературе, правда, безотносительно к формальному аспекту проблемы. А.А. Потебня, комментируя древнерусские примеры употребления во “втором винительном” членных форм прилагательных, подчеркивал вторичный характер этих случаев по отношению к употреблению в той же синтаксической позиции именной формы [Потебня 1958, с. 305]. Развивая эту мысль, В.И. Борковский справедливо связывает появление членных форм во “втором винительном” с субстантивацией прилагательного, отмечая, что прилагательные в данной синтаксической позиции “выполняют ту же роль, что и существительные во втором косвенном падеже, и не являются определением к слову, стоящему в винительном падеже /.../ Примеры из древнерусских памятников с местоименной формой прилагательных во втором винительном падеже в большей своей части могут быть объяснены как случаи употребления субстантивированного прилагательного. В числе этих прилагательных прилагательные *живой* и *мертвый*, которые часто употреблялись как субстантивированные прилагательные, являясь в предложении подлежащим или дополнением” [Борковский, Кузнецов 1963, с. 366, 368]. В связи с приведенным рассуждением особенно показательным оказывается пример **къ живон** из Слов Григория Богослова (5), явно перекликающийся с **живого** из Саввиной книги.

Здесь же следует сказать и о примере (6), на первый взгляд, стоящем особняком в нашем списке. Как мы увидим в дальнейшем, неслучайность употребления с новыми флексиями данного прилагательного подтверждается и другими примерами. Не следует ли связывать его с тем обстоятельством, что и для прилагательного *святой* весьма характерно субстантивированное употребление?⁹

Наконец для двух случаев (2, 13) может быть указан еще один фактор, способствующий появлению местоименной флексии, — наличие рядом однородной формы неличного местоимения: **искренняго своего, лютоь томь**. Особенно показателен последний пример, где данный фактор оказывается единственным, причем флексия местоимения как бы непосредственно “отзывается” в соседнем прилагательном.

Может показаться, что последний фактор имеет иную природу, чем два предыдущих. Однако это не так, и чтобы убедиться

⁹ Заметим также, что и в атрибутивных сочетаниях типа “святой Иоанн”, “святой Петр” прилагательное едва ли может быть трактовано как обычное определение, каким оно является, скажем, в сочетаниях “святая земля”, “святое крещение”. Актуальным в этом случае оказывается не противопоставление святого Петра или Иоанна другим Петрам и Иоаннам, не обладающим признаком святости, но противопоставление их другим святым. Прилагательное в таком случае может и здесь рассматриваться как субстантивированное, а сочетание в целом — как родственное сочетаниям типа “пророк Захария”, “апостол Павел” и др. с главным словом — существительным и именем собственными — приложением.

в этом, необходимо рассмотреть проблему синтаксической обусловленности новых флексий в общем виде. Как было показано выше, перестройка членного склонения прилагательных по местоименному образцу была вызвана стремлением системы членного склонения освободиться от формальной избыточности варьирования соединительного вокалического морфа, оказавшегося грамматически неоправданным после слияния именной формы с членом и превращения членных форм в морфологически неразложимые образования. Избыточное с точки зрения внутренней структуры самой членной формы, на уровне синтагмы такое варьирование соединительного морфа могло какое-то время сохранять определенный смысл, выступая как дополнительный показатель атрибутивной зависимости: **добр-а-го муж-а, добр-у-му муж-у; добр-ы-ѣ жен-ы, добр-ѣ-и жен-ѣ**. Такая синтагматическая поддержка отсутствовала, однако, при независимом, субстантивированном употреблении, а также при полупредикативном употреблении, тоже связанном, как мы видели, с субстантивацией. Формальная избыточность старых членных форм должна ощущаться здесь особенно остро, определяя таким образом предрасположенность данных синтаксических позиций к раннему распространению в них флексий местоименного склонений¹⁰.

Если атрибутивное употребление прилагательного являлось синтаксической поддержкой для старых флексий, то для новых, местоименных флексий такой поддержкой было, очевидно, присутствие в пределах той же синтагмы однородной формы неличного местоимения. Образец для структурной перестройки членной формы был в этом случае непосредственно явлен в ее ближайшем синтаксическом окружении, провоцировавшем прямое заимствование местоименной флексии.

Любое синтаксическое употребление членной формы может, таким образом, быть оценено как с точки зрения наличия / отсутствия поддержки для старой флексии (атрибутивное / неатрибутивное употребление), так и с точки зрения наличия / отсутствия поддержки для новой флексии (употребление в паре с неличным местоимением или без него). При этом возможны четыре варианта соотношения обоих факторов:

¹⁰ Как показал Г.А. Хабургаев, оппозиция атрибутивного и субстантивного употребления сыграла существенную роль в истории форм неличных местоимений [Хабургаев 1990, с. 255]. На этом фоне представляется вполне закономерной и роль данного фактора в истории склонения членных прилагательных.

		поддержка для старой флексии	поддержка для новой флексии
1.	слѣпаго мужа	+	-
2.	слѣпаго	-	-
3.	того слѣпаго мужа	+	+
4.	того слѣпаго	-	+

С чисто синтаксической точки зрения позиции 1 и 4 являются противоположными: 1 – максимально благоприятной для сохранения старой флексии, 4 – максимально благоприятной для употребления новой флексии. Позиции 2 и 3 занимают промежуточное положение. Однако с учетом морфологической и лексической новизны новых флексий и бесперспективности, ввиду их формальной избыточности, старых, противопоставленными следует признать в первую очередь позиции 2, 3, 4, в которых имеются особые синтаксические факторы (наличие поддержки для новой флексии или/и отсутствие поддержки для старой), создающие предрасположенность к влиянию местоименного склонения, и позицию 1, где такие факторы отсутствуют. Возвращаясь к нашему списку древнейших примеров новых местоименных флексий, нельзя не признать крайне характерным тот факт, что позиция 1 (обычное двукомпонентное атрибутивное сочетание), статистически наиболее частотная (!), представлена в нем лишь двумя примерами (6, 11), причем для одного из них (6) возможно особое объяснение. Не обусловленным никакими специальными факторами следует признать, очевидно, также пример (5), относящийся к самому концу рассматриваемого периода, где окончание **-ого** находим в причастии, вводящем причастный оборот. В подавляющем большинстве случаев, однако, налицо **мотивированное** употребление новых флексий в позициях, обнаруживающих так или иначе предрасположенность к влиянию местоименного склонения¹¹.

В специальном объяснении нуждается весьма значительный удельный вес в нашем списке примеров полупредикативного употребления прилагательных (5 из 13), явно непропорциональный относительной частотности данной синтаксической позиции. Причина этой диспропорции заключается, по-видимому, в уже упоминавшейся вторичности такого употребления членных форм. Исключительно показательна в этом отношении форма **живого** из Саввиной книги. Являясь, как уже было сказано, единственным примером новой флексии Р.ед.м.-ср. во всем корпусе старославянских памятников, она одновременно является и единственным

¹¹ Мотивированность древнейших примеров новых флексий рассмотренных падежных форм ярко выступает на фоне ранних примеров новой флексии -ю в Р.дв., приводимых А.И. Соболевским, которые в большинстве своем приходятся на прилагательные, употребленные в атрибутивных сочетаниях. См., например, примеры из новгородских Миней XI в.: из мрачною адовною вокоу, чьстною страдальцо, моудроу моученикоу и др. [Соболевский 1907, с. 155].

примером употребления в тех же текстах членной формы во “втором винительном” падеже [см.: Толстой 1962, с. 75]. В остальных старославянских евангельских кодексах, как и в древнейших восточнославянских списках Евангелия, ей соответствует не старая членная форма с **-аго**, но именная форма **живѣ** или **жива**¹². Будучи, таким образом, вдвойне уникальным, данный пример ясно демонстрирует взаимосвязанность синтаксической и морфологической инноваций. Можно полагать, что употребление в полупредикативной функции членной формы, вызванное, очевидно, ощущением прилагательного в данной позиции как субстантива, автоматически сопровождалось ее морфологической перестройкой. В отличие от других случаев субстантивированного употребления прилагательных, новые флексии здесь вообще не испытывали конкуренции со стороны старых, что делало данную синтаксическую функцию максимально благоприятным полем реализации наметившейся морфологической тенденции.

Сделанные предположения о закономерностях первоначального распространения новых флексий проверим на материале Р.едж., где, как уже говорилось, новая флексия **-оѣ(-еѣ)** представлена существенно большим числом примеров. Всего из рукописей XI–XII вв. нам известно 30 примеров данной флексии. Окончание **-оѣ(-еѣ)** встречается в таких рукописях, как Архангельское Евангелие 1092 г. (АЕ), Минеи 1095 и 1097 гг. (М95 и М97), Студийский устав XII в. (Уст., ГИМ, Син.330), Благовещенский кондакарь XII в. (БК, ГПБ, Q.п.1.32), Успенский сборник XII–XIII вв. (УС), Ефремовская Кормчая XII в. (ЕК), Музейное Евангелие XII–XIII вв. (МЕ)¹³.

Почти половину примеров составляют порядковые числительные: **платоѣ**, **семоѣ**, **девятотоѣ** и др., 13 раз отмеченные с **-оѣ** в Уст. [см. примеры в работе: Менгес 1935, с. 70]. О закономерности появления новых флексий в данной лексической группе уже говорилось выше. В пяти случаях новое окончание находим в форме **сватоѣ**, выступающей в АЕ, М95, Уст., БК. 6 раз местоименное окончание употреблено в названии недель церковного календаря: **пороздньоѣ не(д)** Уст. (2х), **свѣ(т)лоѣ не(д)** МЕ (4х). Данную категорию случаев есть основания, как кажется, связывать с широко распространенной субстантивацией прилагательного в подобных сочетаниях (на Страстной и под.). Собственно субстантивированное прилагательное с **-оѣ** находим в М97: **конѣць оутрънеѣ**

¹² То же можно сказать и о примере **нагого** из Типографского, Музейного и других указанных выше (прим. 7) списков Евангелия. В остальных просмотренных нами выборочно списках в данном стихе выступает лишь краткая форма прилагательного.

¹³ Примеры заимствованы из “Лекций” А.И. Соболевского, “Очерка истории русского языка” Н.Н. Дурново и ряда лингвистических описаний древнерусских памятников [Соболевский 1907, с. 155; Дурново 1924, с. 264; Карнеева 1916, с. 126; Менгес 1935, с. 70; Обнорский 1912, с. 77; Тот 1965, с. 258].

(481). Интересен единственный пример новой флексии в ЕК, где контаминированное окончание *-ога* употреблено в причастии, занимающем во фразе позицию субстантива: *инопѣ вѣры никомоу же лѣтъ быти приносити... развѣ оуставленомѣ ѿ свѣтыхъ оцѣ* (л. 29). С данным примером схож известный пример из Сказания о Борисе и Глебе (УС): *цркъвѣ нача зѣдати на мѣстѣ ветхотѣ дереванотѣ* (л. 24б). Не менее показателен и другой пример из того же Сказания: *къто бо не въсплачетъ съ смъртѣи тоѣ пагоубьнотѣ* (л. 10а), где употребление местоименной флексии явно спровоцировано соседством синтаксически однородной формы указательного местоимения (ср. выше пример (13) *въ лютомѣ томѣ соудѣ*). Таким образом, и в Р.ед.ж. употребление новых местоименных окончаний также оказывается мотивированным¹⁴.

Завершая рассмотрение материала памятников XI–XII вв., следует сделать замечание, касающееся их региональной принадлежности. Как можно видеть, среди текстов, в которых встречаются новые местоименные флексии, есть рукописи как южнорусского, так и новгородского происхождения. К последним относятся Минеи 1095 и 1097 гг., Студийский устав XII в., Ефремовская Кормчая XII в., Музейное Евангелие XII–XIII вв. Принимая во внимание последовательное сохранение старых флексий в новгородских берестяных грамотах того же периода, ранние примеры новых окончаний в памятниках древненовгородской книжности следует, очевидно, рассматривать как механически перенесенные из их южнорусских протографов и не отражающие состояния древненовгородского диалекта.

В целом рассмотренные факты подтверждают, как кажется, что состояние “стандартного древнерусского” языка древнейшей письменной эпохи характеризовалось сосуществованием старых и новых флексий членного склонения. Иначе мотивированное употребление новых окончаний было бы так же трудно объяснить, как различное отражение результатов данного процесса в разных падежных формах. Одновременно они позволяют заключить, что процесс преобразования адъективного склонения по местоименному образцу, обусловленный внутренними противоречиями старой членной парадигмы, развертывался постепенно и в соответствии с собственной внутренней логикой, затрагивая в первую очередь те падежные формы, лексические группы и синтаксические позиции, в которых для усвоения местоименных флексий имелись наиболее благоприятные условия.

*

* *

¹⁴ Немотивированным оказывается лишь приводимый Н.Н. Дурново пример *кальшее съ звѣзды* из АЕ. Обращает на себя внимание тот факт, что, как и в Д.-М.ед.ж., немотивированной оказывается флексия мягкого варианта.

Поскольку изложенные соображения носят гипотетический характер, будучи основаны на весьма ограниченном материале древнейших книжных памятников, они нуждаются в дополнительном подтверждении и проверке. Удобный материал для этого представляют памятники новгородской книжности XIII в. — периода, когда влияние местоименного склонения на адъективное уже распространилось и в древненовгородском диалекте. Анализ датированных новгородских рукописей XIII в. — Лобковского Пролога 1262 г. (ЛП), Захарьинского Паремийника 1271 г., Новгородской Кормчей 1282 г. (НК), Пандектов Никона Черногорца 1296 г. (ПНЧ) и ряда недатированных памятников того же периода, в частности, первой части Синодального списка Новгородской 1 летописи (ЛН), в целом подтверждает устойчивое тяготение новых флексий к определенным лексемам (*святой, другой*), лексическим группам (порядковые числительные) и синтаксическим позициям (субстантивированное и полупредикативное употребление, синтаксически однородное употребление с формой неличного местоимения). Наиболее последовательно это тяготение проявляется в Р. ед.м.-ср., где количество немотивированных примеров оказывается наименьшим. Не имея возможности полностью привести соответствующий материал, ограничимся лишь указанием наиболее ярких примеров.

Отчетливо мотивированный характер носит употребление новых флексий в Р. ед.м.-ср. и Д.-М.ед.ж. в ЛП. Окончание *-ого* выступает в формах *второго* (л. 58), *другого* (л. 105об), *лютого того вѣса* (л. 58об). Окончание *-ои* в Д.-М.ед.ж. находим в той же рукописи в следующих случаях: *първои не(а)* (л. 134), *помоливъшиа стон* (л. 134), *живои мнѣ соущи* (л. 144), *ноужаше ю ходити восои* (л. 17об). Ср. также следующий характерный случай употребления той же флексии во “втором дательном” в Прологе второй половины XIII в. (ШГАДА, ф. 381, № 156): *достонтъ ти кр(с)тъянои быти* (л. 13об), где особенно ярко проявляется связь между субстантивацией, полупредикативным употреблением и употреблением местоименной флексии. В первой части НЛ окончание *-омь* единственный раз выступает в форме *другомь* (л. 65), а *-ого* — в следующих 6 примерах: *стого* (л. 12, 14об.), *другого* (л. 92об), *тысацьского* (л. 101, 106об), *привезоша Дмитра Мирошкиница мертвого* (л. 75)¹⁵. *-ого* во “втором винительном” находим также в тексте Летописца патриарха Никифора в составе НК: и *погребе собе живого* (л. 571а), и

¹⁵ Последний пример открывает целый ряд примеров употребления флексии *-ого* во “втором винительном” в списках древнерусских летописей. Приведем лишь материал из Лаврентьевской и Ипатьевской летописей: Лавр.: *оутомивше и оставиша и живого* (л. 65), *только семьюша аша одного живого* (л. 76), *видѣ и нагого и овлече и* (л. 106), *одва изоташа князя воденного трети копыи* (л. 135); Ипат.: и *принудя види повержена Игоря мертвого* (л. 129об.), и *хотѣша и князе пѣщици оувити мнѣше ратного* (л. 158об.), а *княз своего живого ведаче* (л. 158), *привель Гюрги Ивана Ростиславича рекомаго Берладника ись Суждала окованого* (л. 175), и *не заста*

оубиша и в Римѣ пьяного (л. 571б). Ср. также ПНЧ: хотащаго бѣ тебе заати не Врати тщего (л. 60).

Подтверждая таким образом актуальность для древненовгородского языкового ареала выделенных факторов первоначального распространения влияния местоименного склонения, анализ указанного круга текстов позволяет вместе с тем пополнить список позиций преимущественного употребления новых окончаний. Так, в ПНЧ очевидную склонность к употреблению с флексией -ого обнаруживает прилагательное великий, более десяти раз выступающее с данным окончанием в сочетаниях великого старца и великого Варсануѳина (л. 13, 24об., 45, 49, 51, 61об., 111, 114об., 116, 140 и др.). Ср. также великого василья в НК (л. 272). Данное обстоятельство кажется возможным так же связать с субстантивацией, как и употребление с -ого прилагательного святой. В этом отношении показательно следующее место из тех же ПНЧ: пришедь же Александръ къ великому Квсевню въпрашаше ѡ семь и рече великым (л. 148), где прилагательное великий употреблено субстантивированно.

Еще одну лексическую группу, имеющую склонность к принятию новых местоименных флексий, составляют прилагательные с суффиксом -ск-, в первую очередь – образованные от географических названий. Ярче всего этот аспект мотивированного употребления новых флексий проявляется в Прологе конца XIII – первой половины XIV в. (ЦГАДА, ф.381, № 173), где прилагательные данной группы составляют подавляющее большинство форм на -ого. Здесь находим, в частности, содомьского шгна (л. 13об.), кп(с)па селеукинского (л. 25об.), георгни митоулинского (л. 95), римьского и каньского газыка (л. 120об.), дѣда селоуньского (л. 141об.), доуба мамбринского (л. 143об.) и многие другие примеры. Причины, обусловившие тяготение новых флексий к данной группе прилагательных, не до конца ясны. Следует, однако, указать на широко распространенное явление субстантивации прилагательных данного типа, выступающих в качестве собственных имен (см., например, русские фамилии на -ский, названия сел и деревень на -ское, -ская и городов на -ск). Показательны в этом плане и примеры вроде критьского шстрова (л. 128об.), где прилагательное может быть легко трансформировано в существительное-приложение (“острова Крита”). Возможно, таким образом, что и здесь сыграл свою роль все тот же фактор субстантивации.

Сделанное дополнение к набору позиций, в которых употребление местоименных флексий может быть признано мотивированным

отца живого (л. 186об.), аще въ привести ма сдорового (л. 214), и приѣхавъ видѣ Мстислава матого (л. 238об.), раздраного ики (sic!) свазаного приведоша (л. 267об.). Особенно показателен пример из Ипат. (л. 175), где причастие, употребленное атрибутивно, имеет окончание -аго, тогда как причастие во “втором винительном” выступает с -ого. Окончание -аго в данной синтаксической позиции в Лавр. и Ипат. отсутствует.

(конечно, только на фоне господства старых членных форм), позволяет объяснить некоторые факты, в которых иначе трудно было усмотреть проявление какой-либо закономерности. Так, например, явно неслучайными оказываются два примера окончания -ого, приводимые В.В. Виноградовым из рукописи Жития Саввы Освященного XIII в.: великого и ригиньского [Виноградов 1968, с. 149].

В перспективе, создаваемой книжными памятниками, получают объяснение отдельные показания не книжных текстов, в частности, соотношение флексий -аго и -ого в договоре Александра Невского с немцами 1263 г.: вѣснаго товара, но гъцького берега¹⁶. Неслучайными представляются и примеры форм на -ого из древнейшего списка Русской правды: Ратнвора тысячьского кыевского и Прокопню вѣлогородьского Станислава перетаславьского тысячьского (л. 620об.); ср. там же конечнаго свода (л. 618об.), вогарьского тиуна (л. 621), моста ветухаго (л. 625об.). Наконец, мотивированными могут быть признаны и два древнейших примера окончания -ого, известных из древнерусской эпиграфики: роуцьского – в надписи на печати Владимира Мономаха (указано В.Л. Яниным), великого кня(зя) – на чаре Владимира Давыдовича до 1150 г. Мотивированность этих примеров особенно наглядно проявляется на фоне закономерного сохранения старой флексии в примере лоуцьшаго новъгорожанина из берестяной грамоты N246.

Л и т е р а т у р а

- Борковский, Кузнецов 1963 – Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Вайан 1952 – В а й а н А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Виноградов 1968 – В и н о г р а д о в В.В. Орфография и язык Жития Саввы Освященного по рукописи XIII в. // Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. М., 1968.
- Дурново 1924 – Д у р н о в о Н.Н. Очерк истории русского языка. М., 1924.
- Зализняк 1985 – З а л и з н я к А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 1986 – З а л и з н я к А.А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1977–1983 гг. М., 1986.
- Зализняк 1988 – З а л и з н я к А.А. Древненовгородский диалект и проблема диалектного членения позднего праславянского

¹⁶ Ср., однако, мира старого в приложенной к договору 1263 г. и написанной тем же почерком копии грамоты 1188–1189 гг. Заметим, что в сочетании Готьскын берегъ прилагательное, по-видимому, также могло субстантивироваться, как о том свидетельствует следующее разночтение между списками А и В Смоленской грамоты 1229 г.: такое дѣлати и роуци оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ (А), в Ризѣ и на Гочьскомь (В).

- языка // X международный съезд славистов: Доклады советской делегации. Славянское языкознание. М., 1988.
- Карнеева 1916 - Карнеева М. Язык служебной Минеи 1095 г. // РФВ. 1916. Т. 76. № 3.
- Кузнецов 1959 - Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- Менгес 1935 - Menges K. Die Sprache der altrussischen Übersetzung des Studion-Typikon. Handschrift der Moskauer Synodalbibliothek, N330. Grafenhainichen, 1935.
- Обнорский 1912 - Обнорский С.П. О языке Ефремовской Кормчей XII в. Спб., 1912.
- Потебня 1958 - Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. I-II.
- Соболевский 1907 - Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. Спб., 1907.
- Толкачев 1959 - Толкачев А.И. Об образовании некоторых падежных форм прилагательных в славянских языках // Славянское языкознание: Сб. ст. М., 1959.
- Толстой 1962 - Толстой Н.И. О значении кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке // Вопросы славянского языкознания. М., 1962. Вып. 2.
- Тот 1965 - Тот И.Х. Музейное Евангелие № 104 фонда 256 Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина // Studia Slavica. Budapest, 1965. Т. XI, fasc. 3/4.
- Хабургаев 1990 - Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка: Имена. М., 1990.
- Шахматов 1957 - Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.